

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Лев Толстой и время

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

Сибирская «прописка» Л.Н. Толстого

Материалом для сборника «Лев Толстой и время» послужили доклады, прочитанные на Международной научной конференции «Наследие Л.Н. Толстого в контексте современного гуманитарного знания», которая проходила в Научной библиотеке Томского государственного университета 10–12 сентября 2009 года.

Проведение толстовской конференции именно в Томске имеет глубокие основания. Прежде всего, это факт интереса великого писателя к Сибири, о чем свидетельствует его переписка с профессорами Томского университета и технологического института – И.А. Малиновским, В.Н. Джонсом, с учителем томской гимназии П.А. Буткеевым, просветителем и издателем П.И. Макушиным. Томск при жизни Л.Н. Толстого был не просто губернским центром Сибири, куда входило 7 уездов, – это был первый и единственный за Уралом университетский город. Европейски образованная профессура и демократически настроенное студенчество Императорского университета (открытого в 1888 году) и технологического института, целый ряд газет, среди которых знаменитая «Сибирская газета» П.И. Макушина, ученые-просветители Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, А.В. Адрианов – все они формировались под мощным влиянием Толстого, книги которого находили в томской среде самую чуткую и благодарную аудиторию.

Имя Толстого, как Достоевского и Некрасова, не сходило со страниц томских газет и представляло угрозу официальной власти. В высшей степени показательны документы, хранящиеся в Государственном архиве Томской области. В связи с болезнью, а потом кончиною великого писателя в Томск последовали циркуляры с грифом «секретно» за подписью председателя Совета Министерства внутренних дел П.А. Столыпина о недопущении противоправительственных выступлений, демонстраций, резолюций и об установлении «за устроителями и присутствующими на панихидах неослабного наблюдения»¹. И если в телеграммах из Новониколаевска, Барнаула, Бийска сообщалось губернатору, что «собрание прошло совершенно спокойно»², «гражданских панихид и собраний памяти почившего писателя не было»³, что «день 7 сего ноября в городе Бийске прошел благополучно»⁴, то университетский Томск ответил на смерть Толстого митингами, демонстрацией, требова-

нием отменить все увеселительные мероприятия, занятия в гимназиях и даже торговлю в киосках.

В архиве Томской области хранятся документы о событиях тех дней. В том числе на бланках «Рапорт Томского полицмейстера» от 8 ноября 1810 года сообщается: «По полученным мною агентурным сведениям, студенты Томского технологического института, собравшись в воскресенье 7 ноября в 2 часа дня на разрешенную администрацией института сходку, решили почтить память умершего графа Толстого прекращением занятий в течение 3 дней! Выйдя из здания института в значительном количестве (человек около 500), студенты с пением «Вечная память» прошли к Императорскому Томскому университету <...>. Несколько человек студентов-технологов и универсантов делали попытки закрыть представление в местных электротеатрах, но попытки эти не увенчались успехом благодаря принятым мерам чинами полиции»⁵.

Знаменательным представляется факт, что в мужской томской гимназии в самом начале 1900-х годов учился будущий секретарь Л.Н. Толстого Валентин Федорович Булгаков (в 1904 году он был гимназистом 7 класса). Из переписки Булгакова с Антонином Петровичем Абрамовым⁶ известно, что В.Ф. Булгаков родился в Кузнецке (Кузбасс), время обучения в Томске стало началом его творческого пути: «Кончая гимназию, я изучал этнографию и фольклор Сибири под руководством Г.Н. Потанина», «в студенческие годы состоял председателем Сибирского землячества», «интересовался научными трудами замечательного сибирского деятеля и публициста Н.М. Ядринцева». В Томске началось его общение с деятелями сибирской культуры – писателем Н.И. Наумовым, поэтом И.И. Тачаловым, художником Г.И. Гуркиным; здесь, в «Сибирской жизни», была напечатана статья Булгакова о венчании Ф.М. Достоевского в Богородской церкви Кузнецка в 1857 году.

С томской юности началась любовь Булгакова к Толстому. Спустя много десятилетий, в 1957 году, Булгаков напишет Абрамову: «Жизнь <...> моя очень сложна, но все же я остаюсь около кумира моих молодых лет Л.Н. Толстого». Так, в последние годы вблизи Толстого оказался человек, хорошо знающий Сибирь, ее историю и культуру, влюбленный и преданный ей. В августе 1957 года Булгаков писал: «Связь моя с родиной – Сибирью, Кузнецком, Томском – глубока и порвется только с моей смертью».

Сам Толстой, как видно из его произведений, в определенном смысле воспринимал Сибирь как мифогенную территорию. Именно в Сибири начинается путь духовного возрождения его героев – например, в «Отце Сергии», «Воскресении». Работа над «Посмертными записками старца Федора Кузмича», закончившего земной путь и похороненного в Том-

ске, возможно, явилась не только фактом творчества, осознания пути национального героя от греховной жизни к воскресению, но прологом собственного ухода писателя из Ясной Поляны.

Важнейшим свидетельством связи имени Толстого с Томским государственным университетом стала судьба наследия писателя в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В.А. Жданов, заведовавший Рукописным отделом Музея Л.Н. Толстого в момент начала войны и назначенный ответственным за эвакуацию рукописей писателя в тыл, писал в статье «Рукописи Л.Н. Толстого» («Яснополянский сборник» 1968 года): «Время возьмет свое, и не все гости Ясной Поляны будут вспоминать о том, что пережила она. Но история должна все сохранить, ничто не забудется...».

Не забудется ни в Ясной Поляне, ни в Томске, как сохраняли бесценное наследие Толстого. Об этой эпопее рассказал В.А. Жданов в статье, опубликованной в журнале «Москва» (№12 за 1966 год)⁷. Вот несколько выдержек из нее.

«Эвакуация была поручена мне. Полномочия подписали вице-президент Академии наук О.Ю. Шмидт и нарком просвещения В.П. Потемкин. <...> «Груз» направлялся в Томск, под покровительство Томского университета. Стараясь сохранять секретность – в дорожных документах было глухо указано: разные книги. За этим таились весь Толстой, весь Пушкин, весь Горький!».

Отметим, что как только в университете стало известно о том, что архивные документы придут на хранение в Томск, по университету был издан лаконичный, не терпящий отлагательства приказ № 258/с от 4 августа 1941 года. Приказ начинается словами: «Для размещения рукописных фондов директору Научной библиотеки тов. А.Е. Абрамовичу <...> подготовить к 5.8.41 г. помещение, освободив для этой цели кабинет директора и вспомогательное помещение абонемента». Начальнику стройсектора инженеру А.Я. Понделкову предписывалось к 7.8.41 г. установить решетки в окнах помещений, предоставляемых для хранения рукописных фондов. Приказ был подписан заместителем ректора ТГУ профессором В.Н. Кессенихом. Отдав приказ, В.Н. Кессених ушел на фронт.

«Выезд был назначен на 18 июля <1941г.>, – продолжает В.А. Жданов. – Утром 5 августа мы прочитали на здании вокзала, к которому подъезжали: «Томск I».<...>

Ректору университета Я.Д. Горлачеву я передал послание от Академии наук и Наркомпроса. Нам отвели две комнаты на первом этаже Научной библиотеки университета.

Рано утром подъехали повозки, запряженные низенькими сибирскими лошадками; приехал ректор с револьвером на поясе. Это была единственная наша охрана.

В библиотеке в первой комнате поместили Толстого, во второй – Пушкина и Горького. Университет принял горячее участие в устройстве наших фондов. В первые же дни были удовлетворены наши просьбы: в большие окна вставлены железные решетки и глухие ставни, помещены занавески, дверь обита железом, ввинчены петли для пломб. Внесли ящики с песком и лопаты, огнетушители. Несколько месяцев спустя в каморку, предоставленную мне для жилья в доме доцента Р.П. Бережкова, был даже проведен телефон – это в те месяцы, когда не хватало аппаратов для эвакуированных заводов и учреждений.

В ноябре прибыли в Томск вагоны с грузом из Ясной Поляны. Толстовскую комнату забили до отказа яснополянскими ящиками. Едва поместился в ней рабочий стол. Поместили в ящики всю библиотеку, письменный стол, личные вещи Толстого, картины без рам (рамы остались на своих местах). Вместо разрешенных 13 ящиков погрузили 80!

С какой благодарностью к судьбе мы входили в комнату с нашими фондами, где в грубо сколоченных ящиках и домашних сундуках было укрыто от разрушения все самое ценное из Ясной Поляны и из Москвы, над которой тоже нависла угроза.

Томск вправе гордиться миссией, выпавшей на его долю. Факт пребывания там архивных и музейных фондов должен быть отмечен в истории города и университета.

В начале 1943 года получили из Москвы только что изданную книгу «Ясная Поляна» (составители С.А. Толстая-Есенина, Э.Е. Зайденшнур и Е.Н. Чеботаревская), посвященную «Тулякам-героям, защитникам древнего города и национальной культуры, тем, чья воля и труд помогли воссозданию Ясной Поляны». По причинам вполне понятным не была упомянута роль Томска в сохранении ценностей Ясной Поляны, но те, кто в этом городе знал тайну научной библиотеки, с особым чувством читали сборник⁸.

Несколькими месяцами позднее привез в Томск Севастопольскую картинную галерею ее директор Михаил Павлович Крошицкий. <...> Ему пришлось в осажденном городе собирать у населения доски и разнообразную тару, сбить наспех ящики, свернуть экспозицию, добиться транспорта, и все это в тяжелые дни обороны. В политуправлении Черноморского флота Крошицкому разрешили погрузить ящики на военное судно. М.П. Крошицкий взял под свое наблюдение картины яснополянского музея. Производились контрольные вскрытия ящиков, велась профилактика. Планово вскрывали для контроля и ящики с рукописями.

Дважды приезжал специалист по архивам, сотрудник Пушкинского дома Л.Б. Модзалевский. В летнее время бытовые вещи просушивали на солнце, как обычно делают рачительные хозяйки. Во дворе библиотеки появились шубы, различная шерстяная одежда. Бросалась в глаза широкополая шляпа Горького, запечатленная на многих фотографиях. Занятые своим делом прохожие не обращали внимания на хозяйственную суету, а как бы они взволновались, если бы узнали, что висит на привычных в быту веревках...

Апрель 1945. Нам прислали из института административно-технического сотрудника, снабдили на всякий случай огромной суммой денег и, главное, прикомандировали отряд автоматчиков. Утро отъезда. Солнце. Радость во всем мире и в нашем скромном коллективе. Подали не конский обоз, как в 41 году, а машины.

Два вагона (один московский, другой яснополянский) запломбированы, в третьем поместились мы с охраной. Снова, как четыре года назад, устроились на ящиках. Странно было находиться в вагоне посреди города, на знакомой улице, без признаков железнодорожной обстановки (подъездной путь построили во время войны, и мы в те годы внесли в это дело свою лепту). Не утерпел, отправился в город, чтобы в последний раз пройтись по улицам, с которыми успел сродниться <...>».

Рассказанное В.А. Ждановым не требует комментария, стоит только добавить, что хранение бесценного «груза» в Научной библиотеке ТГУ оставалось величайшей государственной тайной и двадцать лет спустя.

В военные годы в стенах Томского университета продолжалось научное исследование творчества Л.Н. Толстого. 17 февраля 1943 года на заседании ученого совета университета состоялась защита диссертации В.А. Жданова на тему «Творческая история «Анны Карениной». От замысла к сюжету». Напечатанный на газетной бумаге экземпляр этой диссертации хранится в фондах Научной библиотеки под шифром 297872. На этом же заседании была защищена диссертация томского ученого А.А. Касаткиной (матери известного современного литературоведа В.Н. Касаткиной-Аношкиной) на тему: «Военные оды Г.Р. Державина». Так в годы войны Томск кровно сблизился с Москвой и Ясной Поляной на поприще научной деятельности, которая продолжала пульсировать в тылу.

* * *

Сегодня томская филология сохраняет лучшие традиции. На протяжении нескольких десятилетий филологический факультет Томского государственного университета считается одним из ведущих научных центров Сибири и России, осуществляет координирование филологиче-

ской науки в Сибири через систему научных конференций, посвященных проблемам метода и жанра, регионального развития, творчеству В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя; через аспирантуру и ученый совет по защита кандидатских и докторских диссертаций. Эта огромная работа стала возможной благодаря усилиям выдающихся ученых-энтузиастов – Ф.З. Кануновой, Н.Н. Киселева, А.С. Янушкевича.

Следует отметить значение начатой по инициативе и под руководством профессора Ф.З. Кануновой многолетней работы по изучению материалов библиотеки В.А. Жуковского, которая хранится в фондах Научной библиотеки наряду с библиотеками Строгановых, А.В. Никитенко и целого ряда выдающихся ученых и деятелей русской культуры. Изучение библиотеки Жуковского способствовало формированию научной школы, что позволило подготовить издание Полного собрания сочинений и писем В.А. Жуковского в 20 томах (под руководством профессора А.С. Янушкевича). Это, в свою очередь, дало возможность для более глубокого осмысления проблем поэтики, литературных традиций, философии, эстетики и теории литературы. Свидетельство тому – научные труды Ф.З. Кануновой.

Глубоко проанализировав нравственно-философскую и религиозную концепцию Жуковского, Фаина Зиновьевна в своих статьях, комментариях, монографиях раскрыла живую преемственность традиций Жуковского в творчестве русских писателей второй половины XIX века, в частности Л.Н. Толстого, в его восприятии философии Ж.-Ж. Руссо, в трактовке наполеонизма, в содержании и поэтике психологической прозы. Изучение наследия Жуковского в контексте русской культуры оказалось перспективным в исследовании важнейших закономерностей творчества Толстого.

На кафедре русской и зарубежной литературы за последние 15 лет защищено 7 диссертаций, посвященных Л.Н. Толстому (И. Салмановой, И. Юртаевой, И. Шияновой, Н. Кирсанова, О. Пановой, Е. Васильевой, И. Гнусовой). Проведенная конференция, материалы которой представлены в книге, актуализировала проблемы изучения творчества великого писателя – его философии, эстетики, жанровой динамики, поэтики – в контексте русской и мировой культуры. Предлагаемый сборник статей, как и конференция, проникнут чувством глубокого уважения и благодарной памятью подвижникам культуры – музейным работникам, библиотекарям, ученым – всем тем, кто сохранил национальное сокровище – наследие великого писателя.

И.Ф. Гнусова, Э.М. Жиликова

Примечания

¹ ГАТО. Ф.3. Оп. 13. Д. 1856. Л. 10–11.

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Л. 50.

⁴ Там же. Л. 54.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Автографы писем В.Ф. Булгакова к А.П. Абрамову хранились в личном архиве доцента Томского государственного университета Е.А. Макаровой, во время конференции 2009 года они переданы в дар музею-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».

⁷ Жданов В.А. Москва – Ясная Поляна – Томск // Москва. 1966. № 12. С. 168–189.

⁸ На подаренном экземпляре – надпись: «Вере Николаевне Наумовой-Широких от Государственного Музея Л.Н. Толстого. С. Толстая-Есенина. 23 февр. 1943».